

Нестан Кутивадзе

Кутаиси

Некоторые аспекты поэзии Николая Рубцова и грузинский литературный дискурс

Ключевые слова: двойное кодирование, эпоха тоталитаризма, концепты

50-е и особенно 60-е годы XX века, известные в бывшем Советском Союзе как годы *оттепели* и годы политической либерализации, отмечены и в литературе множеством новых качественных веяний. Особенно это касается выявления западных литературных тенденций в литературе указанного периода. Естественно, советский литературный дискурс ни в концептуальном отношении и ни с точки зрения временного пространства однородностью не отличался. Он создавался хорошо организованной советской идеологической машиной, воздействуя в первую очередь на писателей, которые становились или вынуждены были становиться на службу государству. «На протяжении десятилетий Советский Союз являлся символом исторического и культурного эклектизма, хотя несоответствия с успехом прикрывались выверенной работой гипертрофированного правительственного механизма и принципом централизации властей» [Ратиани 2010, 49]. Вследствие такого положения во многих текстах советского периода путем двойного кодирования происходило индивидуальное проявление творческой свободы. Несмотря на то, что не все тексты того периода обладают в одинаковой степени возможностью подобной рефлексии, их декодирование отчетливо выявляет сложность и противоречивый характер творческого процесса в эпоху тоталитаризма. В творчестве даже одного автора часто сосуществуют почти взаимоисключающие дискурсы.

Если размежевать советский и национальный менталитеты указанного периода, появится возможность проследить за выявленными в русской и грузинской поэзии некоторыми концептами, которые отталкивают или роднят художественные дискурсы, фиксируемые в одном отрезке истории и в одном направлении. Интерес в данном аспекте представляет творчество Николая Рубцова, в частности его лирика.

Николай Рубцов – один из трагических представителей русской поэзии XX столетия, непосредственно на себе испытывавший антигуманизм советской бюрократической машины, что в совокупности с личными неудачами и обусловило его жизненную драму. Прежде чем поэта признали и его стихи внесли в антологию русской поэзии, ему пришлось испытать немало невзгод. Поэтические рефлексии Рубцова непосредственны, его творчество свободно от эпатажности. В связи с этим для нас особенно интересным является соотношение нескольких концептов его поэзии с грузинским литературным дискурсом.

Атмосфера, создавшаяся в советской литературе во второй половине XX века (и не только во второй половине), вынуждала писателей наполнить текст, с одного взгляда вроде бы нейтральный, таким содержанием, которое сегодня дает возможность совершенно по-иному интерпретировать его, что большей частью достигается высоким качеством художественного обобщения.

Рассмотрим известное стихотворение Рубцова *Звезда полей*. «Звезда полей, во мгле заледенелой / Остановившись, смотрит в полынью. / Уж на часах двенадцать прозвенело, / И сон окутал родину мою...», – пишет поэт [Рубцов 2014]. Слово *сон* здесь имеет двойную нагрузку. С одной стороны, он воспринимается в прямом значении, с другой же может быть осмыслен как символ пассивности и инертности, что придает данному тексту совершенно иную смысловую нагрузку.

Сон – это метафора пассивности и бездействия также и в грузинской литературе. Обстановку в Грузии 50–60-х годов XX века (она в эти годы входила в состав советской империи), для которой было характерно относительное спокойствие и бездействие, Илья Чавчавадзе, лидер грузинского национально-освободительного движения и выдающийся грузинский поэт, отождествил со сном (*Элегия*). Таким образом, в грузинской поэзии XX века известная метафора прошлого века новой нагрузкой не получает, несмотря на то, что время политической стагнации 60-х годов XX века может вызывать подобные ассоциации. Стихотворение же Рубцова совмещает и подобный контекст, хотя важнейший концепт этого произведения увязывается со звездой и ее сиянием, а не со сном. С этой точки зрения весьма примечателен один аспект, когда

Рубцов переживает, что он не может помочь другим в поисках счастья, сравнивая себя со спящим человеком: «И как же так, что я все реже / Волнуюсь, плачу и люблю? / Как будто сам я тоже сплю / И в этом сне тревожно брежу...» (*Стоит жара*). Сон у поэта встречается также и с неожиданной метафорической нагрузкой: «И над родиной, полной покоя, / Опускается сон золотой!». И в этом случае он описывает статичную обстановку, хотя усиливает романтическую рецепцию прошлого.

Итак, концепт *сон* в различных культурных пространствах, несмотря на различные смысловые оттенки, одинаково соотносится с бездействием и неподвижностью.

В поэзии Рубцова отчетливо вырисовывается мотив поиска родины. Интересный концепт данной темы – это *луна*, на семантике которой остановимся более подробно.

Луна в общем и целом может вызывать много различных ассоциаций, но большей частью она воспринимается в качестве прекраснейшего атрибута ночи, ее света. В этом отношении ни русская и ни грузинская литература не являются исключениями. У Рубцова луна ассоциируется со светлыми ночами родины – «И над родиной, полной покоя, / Так светлы по ночам небеса!». Под воздействием светлой ночи исчезает тоска поэта, красота же наполняет его счастьем: «И, тоскуя все меньше и меньше, / Словно бог я хожу в тишине». Встречается синтагма – лунная родина («родине лунной») (*Скачет ли свадьба...*).

В грузинской лирике представляют интерес рецепции, связанные с луной. Известный грузинский поэт Галактион Табидзе в начале XX века создает один из своих шедевров – *Луна Мтацминды*, в котором луна охарактеризована как молчаливая, тихая, спокойная, нежная. У другого, также знаменитого грузинского поэта II половины XX века (Мурман Лебанидзе) появляется *бледная луна* как метафора горы Мтацминда, что вовсе не является случайным, а представляет собой переосмысление традиционного тропа. При описании картин каждодневного быта в грузинской поэзии мы находим такие эпитеты, как *предатель(ница)*: «но луна-предательница не опасалась сплетен» [Нишнианидзе 1991, 314], и *глуповатая*: «малюсенькая глуповатая луна, полная, как девушка с фермы» [Лебанидзе 1982, 454]; встречается также белая и теплая луна: «нависла белая луна, белая и теплая» [Чиладзе 1984, 62]. Очевидно, что луна может выступать в качестве метафоры, выражающей многие человеческие переживания, однако наряду с субъективным чувством она может передавать и объективную картину. Например, в поэзии признанного классика грузинской литерату-

ры второй половины XX века Отара Чиладзе встречаем луну, которая изумлена молчанием страны: «всходит луна, изумленная молчанием страны» [Чиладзе 1984, 75], что, думается, предельно точно отображает общественную обстановку 60-х годов – усилившийся конформистский настрой.

Проявлением антисоветского дискурса можно считать концепт *тихая моя родина*. Этот образ очень многозначителен, если учесть, что он создается в ту эпоху, когда Советский Союз под одним, советским, понятием утверждает именно величие модернизированной Российской империи.

Так какова же тихая Россия Рубцова? Ее образ создается могиллой матери, деревней, березами и ивами, реками и, что главное, верой, несмотря на то, что в атеистическую эпоху на куполах церквей растет трава, а двора старой церкви поэт уже не находит. Он остался на берегу той реки, которая также не существует, поскольку советские люди провели канал и изменили привычное русло. Эта спокойная сельская каждодневность не только обуславливает впоследствии привязанность поэта к детству, но и становится альтернативой советской родине: «С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувству самую жгучую, / Самую смертную связь».

Поэтому это не только ностальгия по прошлому. Это единство смерти и жизни – в единстве корня и ростка, что отчетливо проявляется в грузинской поэзии (Ш. Нишнианидзе).

Вообще, связь темы деревни и детства с чистотой – хорошо знакомый мотив для литературы. Поэтому ее появление не является неожиданным ни для Рубцова, ни для грузинской поэзии II половины XX века, однако восприятие этой темы в несколько ином ракурсе создает ту новизну, которую она, бесспорно, в себе содержит. Ни в русской и ни в грузинской поэзии деревня не является только лишь уютным уголком. Она сохраняет этнос. Настоящая Россия, родина Рубцова именно там и находится, не в конкретном краю или конкретном населенном пункте, а вообще в деревне. Таким же образом осмысливается, в основном, деревня и в грузинской поэзии этого периода. Только в грузинской поэзии, особенно в лирике Мурмана Лебанидзе, важнейшим лейтмотивом этой темы является драматизм опустения деревни, а «переполненные людьми деревни» связаны с восстановлением национального начала.

Николай Рубцов чувствует, что в России не все в порядке, поскольку «Козыри свежи. / А дураки те же» (*Зимним вечерком*). Что должен делать в такое время поэт? По мысли Рубцова, он должен пробудить

задремавшее общество: «Эх, Русь, Россия! / Что звону мало? / Что загрузила? / Что задремала?» – спрашивает автор и возлагает подобную ответственность на самого себя, поскольку безошибочным чутьем ощущает, что все движется к другому берегу и там тоже возникнут самые горькие воспоминания о родине (*Что вспомню я?*).

Естественно, что советская идеология создавала единое пространство, в котором представление о родине уже не ограничивалось только лишь географическими границами. Таким образом, в литературном дискурсе происходило размежевание этого пространства. У Рубцова это – *Русь* и *тихая родина*, в грузинской же поэзии – отечество. *Отечество* в грузинском языке употребляется в двух значениях: первое – это конкретное место рождения и второе – синоним родины (отчизна). Илья Чавчавадзе отмечал, что в XIX столетии слово *отечество* утратило свое первоначальное, общее значение и превратилось в частный термин со значением только лишь места рождения [Чавчавадзе 1991, 166], что можно осмыслить как некую закономерность, поскольку Грузия XIX века являлась частью Российской империи и понятие страны, родины претерпевало трансформацию в сторону сужения его значения. Закономерно также, что в поэзии XX столетия в понятие отечества вновь привносится утерянное значение. Это есть путь к различению *национальной* родины и *советской* родины (Г. Табидзе, Ш. Нишнинадзе, И. Абашидзе, М. Лебанидзе и др.). В грузинском языке омонимичность этого слова усиливает его художественную выразительность и расширяет возможности интерпретации.

Хочется заострить внимание еще на одном аспекте. Это соотношение природных явлений и картин пейзажа и общественно-политической обстановки, что представляет собой весьма интересный художественный элемент. Существует опасность того, что подобный подход иногда может увязываться с самоцелью, вследствие чего возникает стремление искать такой контекст искусственным путем. Принадлежащее М. Лебанидзе одно стихотворение без заглавия вполне неприкрыто включает в себя подобный план. На вопрос, какой лес лучше – зазеленевший или же зимний, поэт дает довольно смелый ответ, утверждая, что предпочитает зимний лес, поскольку родина его перенесла множество тысячелетних невзгод и в ней заложен шанс на зазеленение [Лебанидзе 1982, 120]. Аллегория весьма прозрачна. Горькая судьба родины для поэта продолжается и в настоящем.

Впечатляющий образ «доведенной до отчаяния родины» создает Рубцов в стихотворении *Шумит Катунь*. Эта сильная река, «свирепая река», как называет ее поэт, вызывает в нем многообразные эмоции,

напоминает о множестве мифов, но самым тяжелым воспоминанием является все-таки тот факт, что ее берега топтал Чингисхан, который во всем мире погрузил во мрак солнце: «И Чингисхана сумрачная тень / Над целым миром солнце затмевала». Все поглотила столетняя черная пасть, вследствие чего Катунь не может успокоиться: «Все поглотил столетний темный зев! / И все в просторе сказочно-огнистом / Бежит Катунь с рыданием и свистом – / Она не может успокоить гнев!» – пишет поэт.

Вообще подобное восприятие прошлого характерно и для грузинских поэтов. Если заострить внимание на крови, пролитой непосредственно у берегов реки, то выявится, что в грузинской поэзии XIX века река Арагви стала метафорой подобного нарратива (Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе). Для современных же Рубцову поэтов Тимурленг и монголы превратились в общий символ врага: «Я не умру. Я только помения имена» (Ш. Нишнианидзе, *Тимурленг*). В другом стихотворении Нишнианидзе подчеркивает опасную для всего мира разрушительную силу монголов: «К конскому волосу привязали всю Азию и с диким свистом дотасили до края света» [Нишнианидзе 1991, 131]. Пролитой монголами кровью наполнены те кувшины, которые со звоном тащат по камням монгол [Чиладзе 1984, 73]. Таким образом, для грузинской поэзии самой большой болью отзывается прошлое, связанное с Тимурленгом. Хотя вообще боль от бессилия перед врагом и воспринимается одинаково, ее художественное оформление в зависимости от остроты самого исторического факта происходит, разумеется, по-разному.

Важным штрихом, определяющим характер поэзии Рубцова, считается спокойствие. Он даже смерть принимает очень спокойно. Может быть, потому, что жизнь для него – одинокая река. Хотя считается, что это впечатление кажущееся.

«Однако характер лирического героя – вовсе не ‘тихий’, созерцательно-раздумчивый (как у В. Соколова, А. Жигулина), а скорее взрывной, разудалый, что находит воплощение в излюбленном рубцовском образе скачущего коня», – пишет Михаил Эпштейн [Эпштейн 2014]; данное соображение мы разделяем полностью.

Но наряду с отмеченным мощно звучит и вызванное духовным кризисом чувство одиночества и неприкаянности, с целью художественной интерпретации которого поэт прибегает к очень интересной метафоризации – это снег и его семантика. У Рубцова он характеризуется как глухой, холодный, мертвый: «Снег глухой, / беспристрастный, / бесстрастный, / холодный, / Мертвый снег, / ты зачем / не даешь мне покоя?» (*Не пришла*).

В грузинской поэзии снег подобной семантикой почти не наполняется, он почти не вызывает подобных ассоциаций. «В грузинской поэзии снег («идет снег») связан, главным образом, с образом возлюбленной. Снег – это возлюбленная, царица, душа, женщина, рок ... Со снегом связаны атрибуты: далекая, таинственная, долгожданная, белая, чистая, добрая ... Снег образует синтагмы: растаять как снег, фиолетовый снег, скрыться в снегу, иной снег, снежный гроб, сожженный снег, день со снегом, заплаканный сильнее, чем тающий снег, наполнить душу снегом ...» [Барбакадзе 2009, 94]. Хотя следует отметить, что этот процесс бесконечен, и он может снова и снова наполняться новым содержанием, а подобное соотношение смениться иной коннотацией. Например, в грузинской поэзии 60-х годов встречаем: «снег валяется, как спящий труп» (О. Чиладзе), в современной грузинской же поэзии появилась синтагма – «оскорбленный снег» (М. Чарквиани).

В конце хотим выделить один, на наш взгляд, очень важный аспект в поэзии Рубцова. Это написанное в 1960 году стихотворение *На кладбище*. Оно важно тем, что начинается переоценка прошлого, хотя все-таки в дозволенных пределах. Кануло в прошлое время, когда неуклонно исполнялось все, сказанное Сталиным в трезвом или пьяном состоянии (не имеет значения, напивался ли Сталин вообще или нет; известно, что не напивался). Предмет глубоких раздумий для поэта – как превратить бледный рассвет в большую зарю: «Чтоб над родиной жидкий рассвет Стал похож на большую зарю?» Этот путь для него тоже связан с продолжительной борьбой и в результате этой борьбы – со светящимися на русских могилах звездами-сиротами, хотя он и пытается отрешиться от этой мысли, что также может показаться определенной закономерностью, поскольку ясно, что ответ на данную проблему в России 60-х годов XX века найти было чрезвычайно трудно.

Грузинская литература 60-х годов XX века избегает рецензий, связанных со Сталиным, так как все еще очень свежа память о выступлениях в связи с идентификацией Сталина и грузинского народа и о кровавом 9 марта 1956 года, устроенном для их подавления. Рефлексии данного периода получают художественное оформление в художественной и мемуарной литературе, созданной после т.н. *перестройки* (Г. Панджикидзе, О. Чиладзе, И. Абашидзе и др.).

Таким образом, в русской и грузинской литературе сосуществует множество *притоков*. Ясно и то, что многие рефлексии увязываются с атмосферой, создаваемой советской идеологией. Однако очевидно, что размежевание с этой идеологией становится одним из важнейших факторов, обуславливающих антисоветский, нонконформистский дискурс,

который создает мощное течение национальных литератур советского периода, что, думается, отчетливо выявилось на примере поэзии Николая Рубцова.

Литература

- Барбакадзе Ц., 2009, *Семиотика поэзии*, Тбилиси.
 Лебанидзе М., 1982, *Избранное*, Тбилиси.
 Нишнианидзе Ш., 1991, *Сочинения в 2-х томах, Т. II*, Тбилиси.
 Ратиани И., 2010, *Модели литературного дискурса в условиях советского тоталитаризма*, „Сджани”, № 11, с. 45–51.
 Рубцов Н., *Стихотворения*, [online] <http://www.rgo-sib.ru/book/verse/7.htm> [13.11.2019]
 Чавчавадзе И., 1991, *Полн. собр. соч., Т. V*, Тбилиси.
 Чиладзе О., 1984, *Помни жизнь*, Тбилиси.
 Эпштейн М., *Душа хранит*, [в:] *Природа, мир, тайник вселенной...* [online] <http://rubtsov.id.ru/critica/epstein.htm> [13.11.2014]

SOME ISSUES FROM THE POETRY OF NIKOLAI RUBTSOV AND GEORGIAN LITERARY DISCOURSE

S U M M A R Y

As it is well acknowledged the discourse of Soviet literature was created by a well-organized ideological machine and it is not a homogeneous phenomenon. In many texts of that period individual exposition of creative freedom takes place through double coding. Their decoding clearly shows the difficulties and conflicting character of the creative process in the epoch of totalitarianism.

Demarcation of soviet and national mentality will enable to observe several concepts revealed in Georgian and Russian poetry that either isolate or link literary texts existing in the same flow and period of the history. In this respect the relation of several concepts of Nikolai Rubtsov's lyrics towards Georgian literary discourse is of note. The paper analyses the concepts of sleeping, the moon, the peaceful homeland, winter and etc.

In Russian and Georgian literature anti-Soviet, nonconformist discourse is one of the most important issues. It creates a strong current of national literatures of the Soviet period that can be clearly visualized though such type of studies.